

«GOVERNMENT OF THINGS», ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. А. Сиденко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 февраля 2016 г.

Аннотация: *нельзя представить себе современность без инновационных технологий. Они все больше определяют порядок вещей. Основные тенденции в области технологий имеют глобальный характер. Это усиливает международную конкуренцию и фактически не оставляет правительствам выбора. Технологии будущего создают как возможности, так и риски, что требует соответствия систем управления средовым параметрам. Характеристики современности таковы, что лицам, принимающим решения, необходимо иметь своевременную и комплексную информацию о происходящем. Целью данной статьи является обозначение исследовательских перспектив, связанных с объединением трех важнейших параметров: характеристик технологизированной, коррелирующей с институциональными соглашениями среды; технологических трендов и систем управления на региональном, национальном и наднациональном уровнях.*

Ключевые слова: *среда, порядок вещей, технология, тренд, институт, электронная демократия, электронное правительство, интернет-вещи, государственное управление, программы развития, реформа.*

Abstract: *we can't imagine modernity without innovative technologies. Government of things is based on them. The global technology trends make close connection between competition and innovations, so authorities have to create favorable conditions for the next-generation technologies development. Many opportunities and risks originated by such technologies. It requires systematic study and reflection. The main object of this paper is to point some prospects for investigations linked with using the «government of things» concept in the analysis of public governance problems. Many of them can be explained by the global technological trends.*

Key words: *environment, government of things, technology, trend, institution, E-Democracy, E-Government, Internet of things, public administration, development program, reform.*

Техника и технологии развиваются с ускорением и все больше перестраивают коммуникации, заполняют жизненное пространство человека, что превращает размышления в духе субъект-объектных отношений в атрибут вчерашнего дня. Искусственно созданная, сложно организованная среда диктует свои правила, зачастую предоставляя лишь видимость выбора, и системы управления на самых разных уровнях вынуждены подстраиваться. Особенно рельефно это проявляется в бизнесе и государственном, муниципальном управлении. В рамках статьи предпринята попытка рассмотреть проблемы и перспективы публичного менеджмента в свете глобальных технологических трендов и сквозь призму концепта «government of things».

Научная рефлексия проблем публичного менеджмента

На преимущество механизмов самоорганизации по сравнению с прямым регулирующим воздействи-

ем обращали внимание многие авторы, но именно в 1990-е гг. проблема гибкости и адаптивности систем государственного управления заставила исследователей пересмотреть многие теоретические клише. В частности, принципы, изложенные в бестселлере Т. Питерса и Р. Уотермана «В поиске совершенства. Уроки самых успешных кампаний Америки», в конечном итоге были применены к публичной власти. Д. Осборн и Т. Геблер предложили 10 аксиом, описывающих революцию в сфере публичного менеджмента. Перед лицом серьезных бюджетных ограничений госслужащие, особенно на местном уровне, должны были пересмотреть традиционные способы «ведения дел». Избавляясь от бюрократической волокиты, прибегая к децентрализации в принятии решений, расширяя права и возможности стейкхолдеров, привнося элемент конкуренции, правительство могло не только добиться снижения издержек, но и улучшить качество оказания услуг [1]. Централизованное бюрократическое государство, ориентированное на процесс, а не на результат, вытеснялось феноменом, получив-

шим название «государственное предпринимательство». Впоследствии узкие места нового государственного менеджмента были устранены в концепции *governance* и публичные управленческие структуры предстали скорее в образе социального предпринимателя [2]. Нашлось решение и такой сущностной управленческой проблемы, как возрастание информационного потока – технологии, позволяющие оперировать большими объемами данных. В частности, при использовании *Big Data*, *NeuralTools* и *Mind Mapping* трудности, обозначенные в статье Д. Г. Красильникова, О. В. Сивинцевой, Е. А. Троицкой «Современные западные управленческие модели: синтез *New Public Management* и *Good Governance*» [3, с. 55]¹ преодолеваются с легкостью. На уровне научной рефлексии наблюдается ренессанс технологического детерминизма. Важно понимать, что в XXI в. механизмы принятия и реализации решений вписаны в порядок вещей, и именно это во многом предопределяет их эффективность. Сфера управления все больше выглядит как совокупность практик, ориентированных на определение, поддержание и реконструкцию технологических миров [4]. Необходимость сглаживания противоречий и смягчения границ между специфическим образом организованными пространствами повышает значимость поиска согласия между «различными интерпретациями управленческой ситуации» [5, с. 56]. Заведомо в проигрышной ситуации оказались государства, буквально воплотившие парадокс веберовской рациональной бюрократии: документооборот ради документооборота, и «если с «бумагами» все в порядке, то никаких претензий к организации предъявить невозможно» [там же, с. 54].

«Government of things»

Современный образ жизни требует значительных ресурсных затрат, необходимых для поддержания систем мобильностей (терминология британского социолога Дж. Урри) [6]. Люди зависят от денег, информации, вещей, которые сами же и производят. В связи с этим вполне закономерными представляются возвращение к материалистическим трактовкам социальных процессов и отказ от восприятия материального мира исключительно как объекта деятельности. Примерами подобных научных установок являются акторно-сетевая теория (АСТ) и концепт «*government of things*» (термин условно может быть переведен как порядок вещей), в рамках которого социальное пространство раскрывается через связи «человек – предмет – человек», включа-

¹ Анализ большого объема «информации значительно сокращает скорость принятия решений, что в условиях быстро изменяющегося мира может иметь негативные последствия для объекта управления».

ет артефакты и технологизированные сети, объединяющие людей и созданное ими [7]. Современные вещные порядки тяготеют к аутопойетичности, т. е. к обретению свойств живого организма. Последнее сопряжено с так называемым эффектом перфомативности, возникающим вследствие неизбежной технократизации управления и превращения экспертного сообщества в одного из важнейших субъектов процесса принятия решений. Упомянутый эффект в рамках акторно-сетевой теории трактуется как двойственная роль науки: она не только дает описание и объяснение реальности, но и воплощает научные представления. Так трудно себе представить эффективно действующую систему управления без расчета бюджета времени. Имеются и негативные примеры. В частности, господство монетаризма стало весомым отягчающим фактором при разработке и реализации стратегии рыночных реформ на постсоциалистическом пространстве. В целом же благодаря научному мейнстриму создается и поддерживается множество рекурсивных петель и со временем созданное человеком перестает восприниматься как инструмент.

Порядок вещей представляет собой технологизированную, коррелирующую с институциональными соглашениями среду. Наиболее очевидны два объяснения. Во-первых, использование технологий невозможно без создания и поддержания соответствующих социальных конвенций. Во-вторых, современные технологии представляют собой не просто отдельно взятый алгоритм деятельности, призванный обеспечить многократное получение заданного результата. Скорее это встроенные в длинные технологические цепочки и институциональные комплексы системы: знаний, умений, навыков, необходимых средств, практик и нормативной регуляции, тесно связанной с упомянутыми социальными конвенциями. Показательно, что средовые параметры со сходными алгоритмами и технологическими приемами в одних случаях обеспечивают высокий КПД и конкурентные преимущества, в других не дают никакого эффекта или приводят к дополнительным затратам ресурсов. В то же время наблюдается своего рода универсализм в использовании технологий, особенно информационных.

Технологические тренды

Обозначая перспективы развития новых технологий, аналитики *RAND Corporation* выделили ряд мегатрендов, характерных для современного мира: «увеличение скорости развития технологий», что приведет не только к «смене акцентов в политике», «радикальному изменению требований к образованию», «разрушению существующих систем производства», но и к трансформации самого общества;

«рост степени междисциплинарности технологий»; глобализация и усиление конкуренции «за лидерство в разработке технологий»; перенос устаревших технологий и производств в развивающиеся страны [8].

Не вызывает сомнений, что технологические тренды имеют глобальный характер. Это делает взаимодействие уже имеющихся наработок крайне привлекательным и заставляет страны практически постоянно бороться за лидерство. Роль органов власти и управления, как правило, сводится к авторитетному продвижению стандартов качества и безопасности, инвестициям и созданию условий для привлечения средств частного сектора, а также формированию и поддержанию в рабочем состоянии инфраструктуры. Возникают и более масштабные задачи. Так, наступление 6-го уклада, основанного на NBIC– (нано-, био-, инфо-, когнито) технологиях, прогнозируется исследователями уже в относительно недалеком будущем, однако насколько готово человечество к такому конструируемому будущему, пока не ясно. Наряду с подчас ошеломляющими успехами NBIC-конвергенции, все более явно обозначаются риски, возникают страхи их лавинообразного нарастания и, как следствие, углубляются противоречия между сторонниками и противниками техногенной цивилизации. Особую остроту они могут приобрести в условиях многоукладности с выраженным эффектом отставания в развитии. Российская экономика относится именно к такого рода системам. Необходимо отметить, что это, среди прочего, не позволяет достигать высокого уровня эффективности воспроизводства.

Нововведения не обходят стороной и саму систему государственного и муниципального управления, в частности, практически повсеместно происходит внедрение E-Government, E-Democracy, все чаще власти пользуются плодами коммуникации M2M (машина – машина) прежде всего для оптимизации управления развитием территорий. Новый вид коммуникации стал возможным благодаря так называемым интернет-вещам (IoT). Internet of Things представляют собой физические объекты, оснащенные встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой. Такого рода информационный обмен исключает из части действий и операций необходимость участия человека. Наиболее популярными IoT являются промышленные датчики и контроллеры; приложения, отслеживающие состояние здоровья; «умные» бытовая техника, здания, транспорт и т. д. Сетевая коммуникация обеспечивается посредством платформ для удаленного распределенного сбора данных. В перспективе подобные девайсы неизбежно приведут к модификации общественных процессов [9]. Пока же существенным сдерживающим фактором выступают проблемы стандартизации взаимодействия «умных» устройств

и безопасности. Серьезных успехов в создании сенсорных сетей достиг Китай. В 2013 г. доля мирового M2M-рынка, приходящаяся на эту страну, превысила одну четвертую [10]. Показательно, что первый общий стандарт IOT² был принят Международным союзом электросвязи (Telecommunication Union (ITU) – ведущее учреждение ООН в области ИКТ) в 2012 г. именно по инициативе Китая.

Развитие M2M-рынка требует инвестиций и комплексных государственных программ³. К примеру, в рамках 5G-исследований Великобритании совместно с Германией намерены потратить на IoT-проекты 74 миллиона долларов. Еще 1,6 миллиона долларов компании, инвестирующие в IoT, могут получить из европейского грантового фонда [12]. Также среди мер государственной поддержки – предоставление налоговых льгот и целевых субсидий.

Российские технологические и управленческие перспективы

Что касается России, то первый российский форум «Интернет Экономика 2015», прошедший в конце декабря прошлого года, лишь обозначил проблемы и возможные направления сотрудничества представителей IoT-отрасли и органов государственной власти [13]. Кроме того, объем рынка все еще не велик. В целом, по России уровень проникновения M2M-услуг не превышает 10 %. Основные трудности связаны со стандартизацией, с проблемами развития микроэлектроники, с высоким уровнем цен на IoT и сопутствующие услуги, а также с низкой скоростью Интернета и ненадежностью подключений. К отягчающим факторам следует отнести экономический кризис и отраслевую структуру экономики. Очевидно, что большая часть проблем имеет системный характер, и во многом от государства будет зависеть, какая часть из прогнозируемых 26 миллиардов единиц IoT [14, р. 28] будет производиться и использоваться в России.

В условиях глобализации общие приоритеты научно-технического развития у стран, стремящихся к технологическому лидерству, идентичны. Как правило, списки включают робототехнику и автоматизированные системы, регенеративную медицину и синтетическую биологию, композитные материалы и нанотехнологии, big data и средства хранения, переработки и передачи информации; коммерциализацию космических технологий, альтернативную энергетику и развитие систем хранения энергии, увеличение производительности сельского хозяйства за счет ис-

² В настоящее время решением вопросов разработки стандартов занимаются Исследовательские комиссии Сектора стандартизации (МСЭ-Т). Аналогичная деятельность ведется и на национальном уровне.

³ В качестве примера можно привести программу INDUSTRIE 4.0, разработанную в рамках High-Tech стратегии – 2020 в Германии [11].

пользования достижений геномной инженерии [15]. Глобальность трендов диктует такие принципы, как быстрота, сотрудничество и открытость [16]. В этом плане негативное влияние санкций ощущается довольно сильно. Они фактически заблокировали для России доступ к сфере технологий во многих странах. Осложняют ситуацию и изоляционистские установки в правящих кругах. Однако гораздо более существенной проблемой видятся дефекты межсекторного взаимодействия, прежде всего, крайняя сегментарность связей при отсутствии равноправного партнерства и низком уровне доверия.

Важно понимать, что технологии образуют сложные комплексы по признаку совместимости. На уровне когнитивных моделей и практик эти образования обладают инерцией и способны исказить или даже заблокировать организационные инновации в случае значительного несоответствия. Это во многом объясняет неодинаковые результаты при использовании идентичных технологий. К примеру, российские реалии дают возможность проследить метаморфозы мировых тенденций в системе управления в условиях кликокрации, деформализации практик, доминирования сетевых структур и т. п. [17–19]. Создается впечатление, что страна обречена на некую «половинчатую» результативность, являющуюся следствием, прежде всего, слабости правопорядка и организации общества вокруг неформальных связей. Вертикаль власти играет двойственную роль: с одной стороны, она обеспечивает управляемость и выступает локомотивом разного рода изменений, а с другой – способствует повсеместному распространению «ручного управления», бюрократизации, деградации публичной политики, препятствует развитию процессов самоорганизации.

Наличие вертикали власти сужает возможности и для проявления региональных особенностей, однако очевидно, что по уровню социально-экономического и технологического развития субъекты РФ значительно отличаются друг от друга. Н. Зубаревич говорит о 4 Россиях [20; 21]. Характеризуя готовность регионов к эффективному использованию, к примеру, информационно-коммуникативных технологий, целесообразно обращать внимание на следующие аспекты: возможность доступа населения к Интернету, навыки работы в электронной среде, технологичность инфраструктуры, состояние системы трехстороннего партнерства, установки, взгляды на коммуникацию и уровень доверия ее субъектов друг другу. Последнее, наряду с гарантией информационной безопасности, во многом определяет эффективность реализации программ, предполагающих внедрение ИКТ. Проиллюстрируем это на примере Воронежской области. Регион относится к группе с относительно высоким уровнем интернетизации по российским

меркам. Безусловно, до всеобщей доступности Wi-Fi или гигабайтного Интернета пока еще очень далеко, тем не менее развернуты сети 3G и 4G, проложены тысячи километров оптоволоконного кабеля. Достигнуты определенные успехи в реализации технологии электронного правительства и электронной демократии. В частности, функционирует созданный по инициативе губернатора портал улучшения делового климата Воронежской области в Интернете (<http://www.vrn-business.ru/>). В 2012 г. он даже попал в списки претендентов «Премии Рунета» в номинации «Электронное государство в информационном обществе». При этом нельзя сказать, чтобы данным ресурсом очень уж активно пользовались. На 12 января 2016 г. были поданы всего лишь 202 предложения. Ситуация скорее типичная, нежели уникальная. Пассивность, усиливаемая недоверием к центрам принятия решений, – в отечестве явление привычное и требующее многолетних, последовательных и системных мер, направленных на его преодоление. Введение электронной цифровой подписи и электронного документооборота в системе государственного управления пока также не принесло желаемых результатов. При этом необходимо отметить, что ведомственную разобщенность и неразбериху, свойственные всей российской системе управления, нельзя рассматривать как малозначимый дефект. Эффективная политика в современных условиях требует скоординированных усилий, пересекающих ведомственные границы, иногда юрисдикцию и уровни управления. Информационно-коммуникативные технологии облегчают коммуникацию, но сердцевиной выступает понимание того, как службы должны быть связаны для улучшения качества услуг, предоставляемых гражданам, а также важности взаимного доверия между правительством, бизнесом и третьим сектором.

Мировой опыт показывает, что стратегическому видению и гибкости могут способствовать объединение министерской, секторальной политики в рамках общей стратегии; четкое определение долгосрочных целей; обеспечение связи между стратегическим планированием и фискальной политикой, кооперация и координирование, мониторинг реализации, использование наработок в области экономического менеджмента. Своего рода эталоном для российских реформистки настроенных управленцев явилось созданное 16 сентября 2009 г. в Малайзии Управление по эффективности деятельности и реализации реформы PEMANDU (Performance Management and Delivery Unit)⁴. Показательна причина, по которой малайзий-

⁴ Ранее аналогичные структуры создавались в рамках исполнительной власти развитых стран мира. В частности, в 1992 г. подобное управление было создано при вице-президенте США, а в 2001 г. Delivery Unit был сформирован в правительстве Энтони Блэра. Впоследствии Майкл Барбер,

цами был отвергнут сингапурский вариант: необходимо было найти новый механизм сотрудничества. В результате творческого использования передового мирового опыта правительству под руководством Наджиба Туна Разака удалось не только осуществить реформирование с высокой степенью результативности и эффективности, но и объединить общество вокруг идеи развития. Вехами на пути успеха стали выявление общественно одобряемых приоритетов развития; перераспределение бюджетных средств и достижение консенсуса в среде управленцев; командная работа экспертов, чиновников и бизнеса в рамках «лабораторий»; широкое обсуждение результатов; разработка и популяризация «дорожной карты», а также ключевых показателей эффективности; мониторинг реализации, рейтингование и независимый аудит; кадровая политика и изменение культуры государственного управления [23].

На данный момент приходится констатировать, что отечественные управленческие структуры и инструменты не соответствуют возрастающей сложности среды. В качестве одного из основных выступают поручения Президента РФ. Для сравнения: «на 1000 распоряжений российского президента в год приходится 32 распоряжения американского», при том что, как справедливо отмечает Е. Ясин, «связи "сверху вниз и снизу вверх" отлажены плохо: если получил поручение президента, отменить или поменять его, даже если оно уже неактуально, трудно» [24]. «Ручное управление» и ведомственная разобщенность трактуются экспертами как осевая проблема, препятствующая эффективной работе государственных структур. Ее предметное обсуждение было запущено благодаря докладу, представленному Г. Грефом В. Путину весной 2015 г. Позднее на имя Президента РФ Д. Медведевым было направлено письмо, в котором глава правительства указал на ряд серьезных дефектов (сохраняющиеся в системе государственного управления «советские черты», опора на «старые методы контроля и мотивацию», отсутствие налаженного «взаимодействия между органами власти» и «внешнего контроля за эффективностью организации работы министерств»). В нем же обосновывалась необходимость преобразований, способных «сформировать понятную "приборную панель" для государственной власти с учетом общественной оценки ее действий» и наладить функциональные связи, необходимые при решении комплексных задач, достижении среднесрочных и долгосрочных целей [25]. Сможет ли очередная реформа системы государственного управления изменить ситуацию к лучшему, покажет

отвечавший за реализацию реформ в сфере государственных услуг, написал мемуары «Instruction to deliver. Fighting to transform Britain's public services» (см. в переводе на русский язык [22]).

время. На данный момент ряд экспертов выражают весьма скептическую позицию, в частности, Евгений Гонтмахер акцентирует внимание на том, что «идея реформы принесена из стран, где конкурентная политическая система, независимые СМИ и гражданское общество, которые обеспечивают внешний контроль, – то, чего нет в России. А в России исполнительная власть будет вынуждена контролировать сама себя, что неэффективно: или показатели будут дотягиваться до нужных значений, или будут объяснительные записки, что достичь КРІ (ключевых показателей эффективности) было невозможно по независящим причинам» [26]. Очевидно, что недостатки системного характера станут весомым отягчающим фактором, однако и сама поддержанная В. В. Путиным инициатива, и назначение председателя Комитета гражданских инициатив А. Л. Кудрина заместителем председателя экономического совета при Президенте РФ свидетельствуют о нацеленности на решение проблем управления и развития солидарными усилиями.

Таким образом, очевидно, что современность одновременно открывает перед человечеством грандиозные перспективы и создает невиданные риски, ставя системы управления в позицию определенным образом сконструированного винтика в механизме набирающего обороты технологического прогресса. Важно понимать, что количество жизнеспособных моделей не так уж и велико, и цена управленческих ошибок может оказаться очень высокой. Львиная доля ответственности ложится на политическую сферу, где не только обретают юридическую форму и легитимируются социальные конвенции, но и определяются стратегические приоритеты, осуществляется мобилизация политической воли, необходимая для их достижения. Не менее значимым представляется также изменение характера научной рефлексии места и роли технологий, включая политические [27], в системе общественных отношений. В настоящее время анализ последствий применения тех или иных алгоритмизированных способов деятельности осуществляется, как правило, после накопления негативных эффектов. Лаг в данном случае недопустим, особенно ввиду лавинообразного нарастания рисков, сопряженных с прорывными технологиями. В целом, необходимо отметить, что предложенная в статье проблематика требует комплексной и весьма детальной проработки в рамках междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gaebler T. Reinventing Government : How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / T. Gaebler, D. Osborn. – New York : Plume, 1992. – 405 p.
2. Setting high professional standards for public services around the world. – Mode of access: <http://www.ac>

caglobal.com/content/dam/acca/global/PDF-technical/public-sector/tech-tp-shps2.pdf

3. Красильников Д. Г. Современные западные управленческие модели : синтез New Public Management и Good Governance / Д. Г. Красильников, О. В. Сивинцева, Е. А. Троицкая. – Режим доступа: http://ars-administrandi.com/article/Krasilnikov_Sivinceva_Troickaya_2014_2.pdf

4. Barry A. Political Machines : Governing a Technological Society / A. Barry. – London : The Athlone Press, 2001. – 305 p.

5. Аляев А. Контроль в государственном управлении : становление интерпретационной модели / А. Аляев // Власть. – 2008. – № 5. – С. 53–56.

6. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри. – М. : Практисис, 2012. – 576 с.

7. Lemke Th. New Materialisms : Foucault and the 'Government of Things' / Th. Lemke. – Mode of access: <http://www.academia.edu/6635562/>

8. Исследование перспективных экспортных рынков информационных технологий (ИТ-услуг), программного обеспечения и интеграционных решений для российских производителей. – СПб., 2015. – Режим доступа: http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201507_Promising_export_markets_for_information_technology.pdf

9. How the 'internet of things' could radically change local government. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/local-government-network/2011/aug/18/internet-of-things-local-government>

10. China leads global connected living market with over 50 million M2M connections, finds new GSMA report. – Mode of access: <http://www.gsma.com/newsroom/press-release/china-leads-global-m2m-market/>

11. INDUSTRIE 4.0. – Mode of access: http://www.its-owl.de/fileadmin/PDF/News/2014-01-14-Industrie_4.0-Smart_Manufacturing_for_the_Future_German_Trade_Invest.pdf

12. Internet Of Things Needs Government Support. – Mode of access: http://www.informationweek.com/government/leadership/internet-of-things-needs-government-support/a/d-id/1316455?page_number=2

13. GS Group и ИРИ разработают дорожную карту развития Интернета вещей в России. – Режим доступа: <http://www.content-review.com/articles/33556/>

14. Future of Government Smart Toolbox. World Economic Forum June 2014. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/GAC/2014/WEF_GAC_FutureGovernment_SmartToolbox_Report_2014.pdf

15. Willetts D. Eight great technologies / D. Willetts. – Mode of access: <http://www.policyexchange.org.uk/images/publications/eight%20great%20technologies.pdf>

Воронежский государственный университет
Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Тел.: 8 (473) 221-27-43

16. Our plan for growth : science and innovation. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/387780/PU1719_HMT_Science_.pdf

17. Граждане и политические практики в современной России : воспроизводство и трансформация институционального порядка / [редколл.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов]. – М. : РАПН, РОССПЭН, 2011. – 318 с.

18. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В. В. Радаев // Экономическая социология : новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В. В. Радаев ; пер. М. С. Добряковой [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 157–209.

19. Соловьев А. И. Принятие и исполнение государственных решений / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 492 с.

20. Зубаревич Н. В. Регионы России : неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

21. Наталья Зубаревич: четыре России. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii

22. Барбер М. Приказано добиться результата. Как была обеспечена реализация реформ в сфере государственных услуг Великобритании / М. Барбер ; пер. с англ. Е. К. Кудрявцевой, Н. Э. Макаровой ; под науч. ред. Я. И. Кузьминова, А. В. Клименко ; отв. ред. Ж. И. Смирнова ; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 393 с.

23. Идрис Йала. Воспитание новой культуры государственного управления. Пример Малайзии / Йала Идрис. – Режим доступа : <http://pa-journal.ranepa.ru/article/3330/>

24. Правительство готовится к масштабной реформе системы управления. – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=8782227>

25. Кремль прокомментировал письмо Медведева Путину о реформе госуправления. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5719f3dc9a794716dd63199d>

26. Дмитрий Медведев предложил Владимиру Путину измениться. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/22/638724-dmitrii-medvedev-predlozhit-vladimiru-putinu-izmenitsya>

27. Сиденко О. А. Технологии в политике и управлении : к вопросу о пересмотре их места и роли в системе политологического знания / О. А. Сиденко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 111–115.

Voronezh State University
Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 221-27-43